

stella.ru
Германия

C11

Seethes

Книга стихов. Клуб неофутуристов им. Д.Д. Бурлюка.

Выпущено при содействии Международной гильдии писателей —

International Guild of Writers — Internationale Schriftstellergilde.

<http://schriftstellergilde.org>

Германия: «stella.ru» 2011

© Все права защищены

© Дизайн обложки А. Нечаев и И. Малинин

© Верстка Л. Баумгартен

Книга выходит в авторской редакции.

ISBN 978-3-941953-21-5

Verlag «stella.ru»

Deutschland

ISBN-Verlagsnummer 978-3-941953

Клуб неофутуристов
имени Давида Давидовича Бурлюка

Seethes

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Стиль-2010»

Что может помочь поэзии выйти на новый уровень? Что объединяет народы разных стран? Чего сейчас не хватает искусству?

Общение между людьми разных национальностей, их элементарное сотрудничество на бытовом уровне приносит большую пользу человечеству. Сколько раз мы убеждались в том, что даже несмотря на отсутствие каких-либо дипломатических отношений между странами, простые жители могут спокойно уживаться друг с другом, находить точки соприкосновения, перенимать опыт.

В наш век это так легко — найти друга за границей. Но нужно мыслить и глобальнее; именно такая задача ложится на плечи деятелей искусства. Сегодня музыкант или художник, оперируя мелодией или кистью, может объединить сотни, тысячи людей под знамена того или иного направления в музыке или живописи. С поэзией (и литературой вообще) дело обстоит сложнее: языковой барьер. Однако и его можно преодолеть, печатая одни сборники для своих соотечественников за границей на языке оригинала, а другие «спасать» переводами. (Благо, всегда находились люди, знающие тот или иной язык.) Все-таки, и классицизм, и романтизм, и футуризм распространились по всему миру, а не остановились в развитии на локальном этапе.

К сожалению, сейчас набирает обороты искусство, создаваемое ради искусства. Все те идеалы, которые несли знаменитые творцы прошлых лет, отходят на второй план. Творчество становится безыдейным. Но пока одни «поэты» собираются в салонах и читают друг перед другом свои сочинения, мы — неофутуристы — действуем решительно: издаем сборники, печатаемся в газетах и выступаем на телевидении. И все это для того, чтобы донести наши мысли до людей. Спасти упадочную эпоху, сделать серую жизнь обывателя разнообразнее и сплотить людей. Нередко, напуганных и обманутых.

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Как происходит сплочение? Что есть сплочение? Что такое международная миссия неофутуристов?

Говорят, люди объединяются перед опасностью. Но если ее нет, разве всем стоит разбрестись по домам? Нет. Сплочение не подразумевает воинственности. Оно банально подразумевает улыбку и открытость. Прочитав, скажем, заумное стихотворение Хлебникова, житель глухой деревушки позвонит своему городскому приятелю с просьбой поискать в магазинах книги о творчестве хитроумного Велимира. Завяжется еще один разговор, дискуссия, обсуждение. Что уж там говорить об иностранцах, читающих русскую литературу!

И не в поэзии тут дело: человек может обратиться к человеку по любому вопросу. Сейчас почему-то об этом стали забывать... И одна из задач современных футуристов — напомнить о том, что все мы люди. Этому (открытости), думаю, Россия может и должна поучиться у других стран, а другие страны могут перенять кое-что и у России. Важно видеть и хорошие, и плохие стороны нашей жизни, чтобы учиться на контрасте: указывать на ошибки других и обращать внимание на свои, делиться своим опытом, и изучать достижения своих соседей. Проводниками попробуем выступить мы — неофутуристы. В общем, *работа адская будет сделана и делается уже.*

Наш первый печатный сборник «Бурлит» уже колесит по миру. Экземпляры улетели во всевозможные уголки нашей планеты: Норвегия, Кипр, Англия... И, конечно же, во многие города России. (Кстати, именно эта книга стала базой для создания сборника «Seethes») Налажены профессиональные контакты с поэтами из Белоруссии, Украины и Германии. Все это свидетельствует о том, что мир захватывает новая волна — волна неофутуризма. На нас лежит огромная ответственность, и мы это понимаем. И стараемся нести правильные идеи. Разрушая прошлое и некоторое прошлое, но создавая новое. С большой долей современной эстетики и осознания важности несомых нами перемен.

Игорь Малинин

Содержание

Игорь Малинин

Единственная дань эгофутуристам	8
Неверие//Перекрестки миров//Scream	9
Алонсо Кихано	10
Пикассо	11
Печаль и безмолвие	12
Абсурд	13
Москва	14
Размышление об образах	15
Исповедь бессонной ночи	15
Прибой дрожжей	16
Каракам матсамтэй	18

Кирилл Трemasкин

Я	19
Махачкала	20
Дождь в Москве	22
Нетерпеливым людям	24
Москва в дыму	25
Надломленное	26
Любовь	26
На расставание	27
Философское	27
Птица-Вьюга	28
В круге часа	30
Антиурбанизационное	31
Другу	32

Александр Матросов

Дань поэтам-неофутуристам	33
Эх, братцы	34

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Технологический прогресс	35
Без тебя	36
Планет тысячелетье	38
Метаморфозный антикуб	40
Проголосуем	41
Вместе	42
После конца света	43
какмышь и шампанское	44
Кому что	46
Фотоальбом	47

Константин Ершов

When you got nothin you got nothin to lose	48
Различия	49
1/3	50
Дежа вю	51
Бывает	51
Абонент находится вне зоны действия сети	52
Мертвец	54
Дурак	55
Englar alheimsins	56

Виктор Липатов

А ты научишь меня летать?	59
Вечное сияние чистого разума	60
Без привязи	62
Истерика	64
В аду?	65
Сказка о грусти	66
Труба обычная, без подогрева	68
О котенке	70
Все — глупость	71

**Единственная дань эгофутуристам
Самопрезентация**

Я есть начало всех начал:
бежал,
бросал,
играл,
кричал,
в молитвах Бога зазывал
себе на помощь среди скал.

Сладка фамилия Малинин.
Сурово имя,
в пасти дыма
сияет, светится, звучит...
Из стран валькирий к нам летит.

Князь Игорь, «гений Северянин»,
maestro¹ Волгин
«оэкранен»
Радулов, Нетто и Качмазов...

С восточных гор и до Кавказа
все это имя знают. Вот!
Я здесь, отправимся в полет!

¹ maestro – *зд.*: учитель (исп.)

Алонсо Кихано

Я
был
счастливейший гонец
моей
уходящей
эпохи.
Меня оторвал мой заочный отец
от всякой земной суматохи.

Я
бил
несметные войска
орудьем
фантазий упрямых:
была незнакома мне злая тоска
во время
сражений
неравных.

Но
в каждой
жизни
есть
пора,
когда ты лежишь: ты повержен...
И я, горделив, закричу у одра
меня полонившим невеждам:

«Эй,
вы,
правители земли!
Вот моя деревянная шпага!
И путешествие в тысячу ли
начиналось
с первого
шага!..»

Игорь Малинин

Пикассо

Тореро пал
диковинным цветком:
в бою с быками
на песке
погиб.
Моей второю смертью
был
мой дом.
А сверху наблюдал
за этим
О
с
с
а
к
и
п.

Печаль и безмолвие

А вам не приходило в голову,
что оранжевый фонарь — душа самоубийцы?
Одинокая.
Тихая.
Поливает тусклым золотом снежное олово
и редких прохожих лица.
Печальные.
Безмолвные.

Стоять и смотреть,
смотреть на таких же — приговор.
Вечный.
Равнодушный:
видеть мир лишь на малую треть,
видеть заметенный закуток да соседний тёмный
двор.
Одинокий.
Тихий.

Абсурд

Игорь
Малинин

Красные чернила —
как кровь у засохшего дерева,
как крик у покойника мертвого,
как крыша воздушного терема.

Абсурд.

Размышляя о пасте Аресова цвета,
посмотрел я сквозь раму работы ручной.
Разгляделся рабочий: распивши бутылку,
он что-то орал про свободу и строй.

Рабочие руки, закончив шататься, промолвили
трижды:

«Пойдемте в храм-с».
А затем, пару раз очень крепко ругнувшись,
промямлили что-то: «Вы хам» или «Хармс».

Разинувши рот, после фразы последней,
глядела на пьяницу долго толпа —
откуда рабочий, распивши бутылку,
узнал про такие Большие слова?..

Москва

Неспособным к дискуссиям

Город любимый,
первопрестольный,
сердце твое каждой жилкой манит.
Пестрой картиной
кремлевские колья
тянут к себе, как не тянет магнит.

Главы церквушки
в солнечном свете
нас наставляют на истинный путь.
Убраны пушки,
бегают дети...
Детство мое, мне тебя не вернуть.

Серые вышки
грозым титаном,
в небе сверкая, стоят надо мной.
Жметя домишко
серенький рядом...
Доброе утро, город родной!

Размышление об образах

Игорь
Малинин

«Ветка цепочкает дубом окружность», —
строчкая знатса детейными мал.
Ход по ней ктокает? — это мне нужность,
дабы ответию вывед мне дал.

Котный ли уч — он на хóду правает,
левит и сказит — но так он какой?
Образый пушкин весьма непоняет...

Вас я запутал? Какой я плохой!

Исповедь бессонной ночи

Я снова стреляю в себя.
Мое тело покрыто
алым плащом заката.
Пришли. Призывают, трубя,
и ведут в кандалах куда-то.
Навсегда.
Ты прожит, мой день,
ты был окраплен детской кровью.
Курок... Мариенгоф?
Ты дрожишь!
Мой путь пролегает туда —
за тысячу тысяч Голгоф.

Прибой дрожжей, людей и фьордовых костей...
Мне рокот волн предштормовой приятен;
на небе не осталось синих пятен,
а сзади слышен топот лошадей.

Я всматриваюсь в даль пугающих пучин,
мне Англия взялась светить звездой.
Не слышу, не боюсь, не стою...
А море бьет приливами седин.

Зовет Нептун — расставил сети, занял трон,
тревогу бьют на палубе с опаской.
И я — наедине с своею маской —
могу пождать еще. И слушать ветра стон.

Что ждет меня, отец, когда отправлюсь в путь?
Загадывать не след. Покажет только время.
На мне лежит чарующее бремя
смотреть вперед... Былое не вернуть.

И вот, стою на камне, к морю обращен —
мне душу выедают гром и думы;
корабль бедствует: вода проникла в трюмы,
о, Небо! силой моряков он был спасен.

Покоен вскоре стал безумный шторма кнут,
гроза ушла. На небе побелело:
на небе суета, до нас какое дело?..
Но колокол я слышу. Меня к отплытью ждут.

Каракам матсамтэй

Черной смолой разлилась
ночь.
Таинственным шумом сельвы проплывает
струйка дыма.
«Тебя курят облака...»
Где мне найти путь,
где мне найти ветвь, чтобы подняться наверх,
где я смогу увидеть Людей неба?
Смотреть сквозь разлитое молоко,
растекшееся следами тапира —
вот мой путь, брухо.
Я знаю это.
Ты меня видишь?
Я знаю и хочу знать только то, что
у меня будет выбор, когда
я поднимусь по лестнице звезд к
светящимся душам, чтобы
определить свое место в этом странном мире.

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Я
 странник
желтой
 дороги,
Груз сомнений
 на
плечах.
Освещает
 солнце
Листья-годы,
И прошлое,
 как дрова,
Сгорает
 на домах.

Кирилл Ремаскин

Махачкала

Петровский крестник!
Да с Московскими стройками,
В кольце каспийских гор,
От моря
 отделенный
дорогами,
Расположился
 город-порт.

Он каменно бел
 и наивен,
Ветер с моря,
 юн и чист,
Скверы
 наполнены Ивами,
А в воздухе
 кружит
белый
 Аист.
Он летит.
 Он к морю
Все ближе и ближе,
И вот
 спускается ниже,

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Кирилл
Гремакин

Садится
на одну из прибрежных
крыш.

Видит:
С пляжа
веет дружбой
и любовью,
Солнце
вальсирует,
Играется с волною.
Это
добрый
Махачкалинский
вид.

Дождь в Москве

В главной Российской столице —
Великой нашей Москве,
потом покрытые лица
мечтают о летнем дожде.

И вот сгущаются тучи,
над раскаленной Москвой,
Не пробивается лучик
светом над головой.

Начинается дождь.

Он стучит
 все сильнее,
по окнам и крышам,
На улицах
 люди
Раскрывают зонты,
И прячутся,
 как кошки и мышки,
Под Каменный
 и прочие мосты.
И вдруг!

Радуга
по небу
 раскинулась
над городом.
Крыши
 домов
заплясали хороводами
Сбрасывая воду
 после
дождя.
Светел народ,
 Мир как дитя
радуясь радуге
После дождя.

Нетерпеливым людям

Я разбился
на части,
Усыпав
осколками
пол.
В
пустоте
отражается
счастье —
Безумного
времени
звон,
Где
пелена
застилает
дороги,
Где
дело
не знает
конца,
И
в асфальте
запуганы
ноги —
След мысли,
что
пала
с лица.

Москва в дыму

Августовское

Кирилл Тремаскин

Вот
и настал
последний
месяц
лета,
России
месяц
роковой.
И
огонь
взметнулся
в небо,
И
природы
слышен
вой.
И вечно
утреннее
эхо,
Где
разбивается
гроза,
О скалы
жареного
лета,
И просыпается
роса.

Надломленное

Пронесся
ветер
перемен,
В
стволе
моем
оставив
трещину.
Я удобен,
когда
нем,
И
не очень,
когда
на встречную.

Любовь

Она
была.
И
плен ее
казался
сладок.
Ушла.
И накипи
на дно
упал
осадок.

На расставание

Раскинулось
 новое время.
Под куполом
 старым
Зима
 расцвела
в одночасье,
И мост
 разведенный
Не дал берегам,
Душевного
 счастья.

Философское

Мой дом убог.
 И жизнь убога.
И ветер вечен
 у порога.
Строем
 дни шагают —
порядок
 хода
По
 согням
улиц лиц,
По
 разнице ресниц
Читая
 моду.

Птица-Вьюга

Разыгралась птица-вьюга,
все дорожки застелила,
Облетела мир по кругу
и на севере застыла.

Разукрасила природу,
подарила украшений,
а я еду по дороге,
переполнен восхищением.

Обжигает

щеки

мороз,

мне не страшен снежный занос!
Лошадь гонит навстречу вьюге,
я поводья держу в натуге.

Несется, завывая,
ей нет конца и края,
в лицо свирепый ветер.
Вот эта с вьюгой встреча!

И я упал в ее объятия.
И долго длился разговор

о бременной жизни
и о счастье.
Мы
заключили договор
о примирении.

И вьюга,
теперь
на век
моя подруга,
умчалась дальше
по просторам.
А я пошел к родному дому.

В круге часа

*Посвящается
отмене часовых поясов*

Я с земли
 снимаю
пояса,
Пространство
 временем
объединяя.
В круге
 часа
Всё больше
 народов
по Курантам
 проживает.

Антиурбанизационное

Очерчена
 метрами
жизнь
 человека.
Удавкой
 на шее
наши
 квартиры.
Забыта
 природа
ушедшего
 века,
И устроена
 жизнь
в цепкие
 лапы
разумного
 мира.

Кирилл Тремаскин

Другу

*На смерть
Андрея Вознесенского*

Еще вчера
мы
вместе
пили кофе,
Наблюдая
утром
новый
день.
А за
столом
писали
строки,
Писали
строки
про
людей.
И пробил час.
Где одного
из
нас
не стало.
И понял я,
Что
ты
мой друг,
Ушёл.
До срока.
Рано.

Дань поэтам-неофутуристам

Небо — купол
над головами людей
Скрывающий нас
от тайн вселенной
Звезды — открытие
новых идей
Яркая точка
в нашей жизни брэнной
Нетленной поэмой
чуть уловимый смысл
Существования образов
мнимых
Поэтов непризнанных
мысль
Невидимых всеми,
но сильных.

Александр Магросов

Эх, братцы

Эх, братцы,
стыдно мне за вас,
Во что вы превратили
великую державу...
Перекрыв Белоруссии газ,
на западный манер,
на их же и забаву

Эх, братцы, гордость где,
ответьте?
Неужто продали,
Купили вас за бумажки...
А вы, народ, им верьте,
вы им верьте!
А кто не «ЗА»,
тех мигом в каталажки.

Эх, братцы!
На вас обиды не держу.
Но ведь расхлебывать
все это будут
ваши дети...
И, может быть,
слегка себя я осужу...
Что не смогу сломать
Один я стены эти!

Технологический прогресс

Технологический прогресс
вырос
До небес.
Не бес ли?
Выбрось!
Что же это?
Восьмое чудо света!
Иль чудо мысли
человека.
Двадцать первого
века.
Века победы
над чувствами,
Века работы
умственной.
Информационные технологии,
не на воздух налоги.
На жизнь будущую
печатать.
Безграмотность рубить
С плеча.
Технологический прогресс
Продолжаем процесс.

Александр Магросов

Александр Матросов

Без тебя

Ночь

День

прочь

тень

краски

свет

маски

бред

тет

а

тет

с тобой

наедине

скучно

мне

я поэт?

нет

я непоэт

да

ты меня

ждала.

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Александр Магросов

Забыл
дебил
тебя
я
море
солнце
в моем туалете
в Европу
оконце

стихоплет
врет
без тебя
все зря

Планет тысячелетье

Стихает шум
страстей
вестей
небесных
Угрюмых стаи туч
летят
парят
фиалами
И как усталых
старых
звезд
прибрежных
Бросает небо
водами
их
талыми
Усталыми устами
шепчет
млечный путь
Тропу к звезде
себе
тебе
Найти и не вернуть
Сквозь время
и года

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Александр Магросов

туда
с поэтом
Уйти и не вернуться
и не рыдай
не плачь
об этом
И сквозь планет тысячелетья
мой друг
мой враг
искать тебя я буду
Не забуду никогда
я
не забуду

Метаморфозный антикуб

я как художник
ищущий пространства.
Ищу прогресса,
в регрессе своего существования.
Единственной мечты пустой...
Заложник.
И никакого шанса.
И никакого интереса.
Здесь тесно мне и душно...
А ведь нужна
свобода
музыка
игра
Её прикосновенье, шепот губ.
А тут всё тошно
зной
дожди
пурга
Метаморфозный антикуб.

Проголосуем

Александр Магросов

Товарищи, поднимем руки
поднимем руки
выше!
Проголосуем за свободу

Тише! Тише!
Дайте же мне слово,
Дайте суки...
Слово мне и моему Народу.
Молчать устал...
И не окончен,
сатанинский бал
И бал,
и бал,
и бал...
Не для меня всё это!

Темно вокруг,
мерцает конченный
фонарь — полупобеда.
не видно света...

Товарищи, поднимем руки.
Проголосуем сердцем
За свободу!
Терзают, рвут на части
муки...
Что ж за эдакую взяли моду?
Святую Русь считать Освенцим...

Вместе

Кто- то жив
Пока
Но не пришло их время
Так дайте мне слово
 Слово
 Дайте мне!
Рассыпалось по подворотням
Изново, но старо семя.
По душам вашим
 булава.
Так не кричи же
 глотку
 Не рви
и больше
Не проси меха и злата
В век говна
Разлей по стаканам
Прощальный марш
 И водку
Лет через тридцать
И мне пора.

После конца света

две тысячи семнадцатый год
пять лет после конца света
сто лет после конца солнца
а мне уже ровно тридцать
живущих всего-то горстка
фьючера наступило быстро
футуризма немислимо ярко
мысли, как и раньше,
только намного реже.
а ботинки жмут так же
на шнурках повесить повесть
стихи на углях прожарить
вспомнить старую новость
по-новому её напарить.
лучи солнца сквозь копоть оконную
пробиваются очень несмело
проведу церемонию чайную
да и нет никакого дела
в комнате огарок кремневый
наполнит пустоту попросту
пейзаж на стене временный
телевизор — напоминание прошлого
газеты — бумага туалетная
а книжная полка бедная.
все спалил ради тепла душевного
ради новой эры изжег
пришел срок
пришел срок

как мышь и шампанское
как мышь из Шампани
день за днем надевают мишуру
на головы наши с телеэкранов
мол, МЫ
победили войну
мол, МЫ
не пойдём ко дну
мол, МЫ
лучшие из народов.
все прекрасно в городе
филькином
где грамотой являются
денежки
где народу и дырочки — сушки
а законы делают сучки
решают дела
не гении
не учащиеся ПТУ
слышны стенанья
не пение
в застенках всеильного ГРУ
как попасть к ним
в покои
коли ты
не еврей?

коли
не ядовитый змей
коли
не проститутки
А никак, дудки.

22 года условно прожитых
в пьяном бреду смытых
еще бы хоть столько попробовать
а то и 10 не выдержать.
что не исправлено,
невозвратно
что не налажено,
не поправить
что не сделано
то все мимо
что сделано
не изгадить.
как мышь и шампанское
как мышь из Шампани.

Кому что

Ради дома у реки
работают греки,
Ради денег, как жуки,
работают евреи.
А я ради стихослова
ворую добронравы
ради затеи.

Злым духом
— тризна
Патриотам
— отчизна
Попам
— голые попы
Христианам
— еще потопы
Чиnam
— решетку
Народу
— водку
Ворам
— золото
Президенту
— лопата

А мне мыслей
Да миру
душе моей.

Фотоальбом

Александр Магросов

Сотни писем, миллионы строк
тебе одной я посвятил.
Увы, закончился наш срок.
Нет в ручке боле для тебя чернил.

Как нет в душе моей огня,
того, что согревал нас вечерами.
Но искорку ту бережно храня,
останемся мы верными друзьями.

Пройдут года, и позади вся жизнь.
Уже альбом листают мои внуки.
— деда, кто это, Расскажи.
Я расскажу, взяв фото в свои руки.

Не грусть в словах и не печаль в душе,
лишь трепет каменных воспоминаний.
Закончился наш срок, увы, закончился уже...
Как не назначу больше я тебе свиданий.

Обратно карточку вложу в альбом,
Закрою, пыль протру в последний раз.
И навсегда исчезнет этот старый дом,
и лишь останется
не выдуманный мной рассказ.

When you got nothin you got nothin to lose

Кто-то поедет в Монако,
А кто-то уехал в Крыжополь.
Я никуда не уеду
Потому что у меня денег нету.
Пешком ковыляю к доктору,
Доктор мне ставит диагноз,
Но он меня не починит
Потому что у меня нету денег.
Совсем
Уже
Захожу в магазин — озираюсь,
Мне эти продукты по нраву
По нраву мне эти напитки...
Но мне не покласть их в тележку
Почему — я уже сообщал.
Вот скоро дадут мне зарплату,
Так говорят на работе,
Отдам все долги и засуну!..
Руки в пустые карманы.
Завтра у меня день рождения...

Различия

Константин Ершов

Я различаю: сны и города,
Именно те, где прячусь поневоле,
Среди зверей и запаха магнолий,
Меж темных вод, где таяла она.

Ты отделяешь время от часов
Или минут обыденных свиданий,
Где дождь бессильно барабанит
По телефонным будкам островов.

Мы подарили время падежам,
Себя — себе, друг друга — полумерам,
Чтоб, просыпаясь, радостно и смело
Идти на встречу новым миражам.

1/3

Успокоить море... и вернуться домой.
Разбиться у двери последней волной.
Скрип и шорох набирающих ход...
Легкой поступью в новые будни,
Перешагивая через руки.
Расшитые золотом сигары рассвета — Затяжка...
и... здравствуй день.

Раствориться со всеми в порыве...
Под тугие крыла...
Ветряных мельниц... в «Лошадиных широтах».
Сухими губами... к платформе потных ладоней...
Мятная влажность кондитерских...
Оценивающие взгляды... жесты сочувствий...
Застенчивые улыбки сгорают...
В сбивчивом дыхании памяти...
Держи крепче свой веер — надо разогнать дым,
Чтобы увидеть лицо...

Уложить спать звезды... и самому на покой.
Еще одно утро с больной головой.
Бирюзовые тени Гекаты
Мне тычут в глаза, как солдаты —
Штыками: «Аты-баты, аты-баты...»
Мы тебе сегодня рады...»
Гордиться собственной болью...
Нет, не по мне это все...
Но я не усну без звезд

Дежа вю

Здесь что-то было... где-то вдалеке,
Средь представлений, миражей, потенциалов
Несуществующее рвалось в бытие...
На лоскуты и бусы экзистенций.
И я застыл, рассматривая жизнь
Через глазок чужих припоминаний,
В ретроспективе объективности причин
Считать за новое всё то, что уже было с нами...

Бывает

Бывает, в лишних движениях
скрывается чья-то загадка...
Безлик, но исполнен терпения
бес сна, примеряющий маски.
Познавший свои притязания,
считает, в беспамятстве, листья.
Клюкой, воспаленным укором,
задирает подол отражений.
На гранях познания иного
следы поцелуев поспешных.
Как взор, обращенный в былое,
ресницей судьбу очертает.
Так время нас дразнит бедою,
приближая, на миг, горизонты.

Абонент находится вне зоны действия сети

говорят:
с другого конца провода
можно услышать чье-то дыхание
все выжидал-искал повода
с поводом оно, конечно, легче
пуловину в натяг, только крепче
но, все равно, не слышно
наверное, мыши
что-то перегрызли
или же камыши
качаются в такт
да так
что меня укачивает
тишина гудки затачивает
и с небрежностью заколачивает
в меня
занято
но не занято
не принятый вызов как неприятный
а еще говорят:
есть трубка
по которой можно говорить
с тем, кто свыше
он слушает, но не слышит
или уже не дышит

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

а хочется выше
а выше — только звезды
и гнезда
тех, кто их зажигает
мне неведомо, но они знают
зачем
мне туда уже не залезть
буду дышать здесь
а туда пошлю смс.

Константин Ершов

Мертвец

ступай — вспоминай беспаятство
вальсируй под крики ребенка
прощание будет недолгим
в такт коротким
затяжкам
состариться
состарится или сломается
«и это пройдет»
но пока что случается
лучше начать все с начала
желательно завтра
чтоб сегодня молчала
она
он
вместе с ними и ты
твой наполнитель моей пустоты
минуты отчаяния — гирлянды молчания
тихо — меня помянем
немного помнем
потом поменяем.

Дурак

Константин Ершов

шуршал подошвами
прошел навывлет
не вышло — не прошил
прошебуршал
шептал и выцветал...
еще шевелится
в памяти
маятником,
а был маяком
в межстрочных интервалах
чего-то ждал
кому-то обещал
исправить
но не успел
забыть
или специально опоздал...

зачесывай набок свои обстоятельства
когда умирают музы
ты больше не можешь...
ты больше не хочешь...
да и не нужно.

Englar alheimsins

«если Вы поцелуете меня — я превращусь
в зверя...»

В горстях социальных абстракций
Реституции аннигиляций
Гниют на праздничных столах
Различных популяций

Он часто уходил в себя — бывало безвозвратно...
Но за собой не закрывал
Лепестками лепетал
Застывший в детстве
Заблудившийся в лунных дорожках

Горящих солдатиков
Скомкать ниже уровня воды
В поскрипывании рукопожатий
Что-то прошумит о тишине
Пока ветер треплет хрустальные волосы фей —
Остальное не слышно

Сжать мякоть солнца
Кончиками пальцев
(Светлячки тоже могут обжечься)

Или отдать концы
И без конца стараться
Ворваться в пантеон и опростаться
Все уже пройдено
Я после посмеюсь

Почему-то предполагал
Шебуршал фантиками
Не знал с чего начать
И начал навзничь
Демарш на цыпочках вокруг настольной лампы
Течений и путей, проглоченных с крючком
Наживка так сладка, что сводит варианты
Всё время к одному — с распоротым нутром

Примут участие, когда примешь причастие
Смотри вверх деревьев
Время собирать приоритеты
Разбрасывать предпочтения
И набивать животы
Склонять времена поклонами

Храни за палитрой желаний
Свои сокровенные страхи

Пожухлые таинства смерти —
Заусенец в очертаньях омфала

Мне служат львы, но правят мною крысы
Я дуну на ладонь, где скатерти и тоги
Приливами скрывают детский смех

Мы входим к ней с непокрытыми головами
Сосуды любви на сервантах пылятся
В ожидании коллекционных изделий
Любовь это то, что бывает с другими
Она приближается и музыка гаснет
Язык тела немеет в скульптуре
Ведь был человек, а остались слова на бумажках
Выбирай сторону и цвет
Подбрасывай пепел

Ты — одно из моих превращений
Обученных танцу на грани
Улыбкой встречаешь другого

А ты научишь меня летать?

А ты научишь меня летать?
Скажи. Ответь мне. Иль это тайна?
Научишь падать? Скажи. Итак?
Ответ, наверное, будет: «Не знаю»?

Изморозь губ на окне лица —
дыры в озоновом слое тряпичном.
«Ты не в себе. Помоги себе сам».
Видишь ли, сам я себе безразличен.

А ты научишь меня летать?
Не смог сломаться и выжить при этом.
Прости! Не дают батареи тепла,
но слушают речь молчанья — поэта.

Лунной походкой прошелся. Слег.
Плачу. Потом рассыпаю щелочь
чтобы найти отпечатки слез.
Золушку жду исключительно в полночь.

Боюсь потому, что надеюсь и так
приходит вера в «сложное — просто».
А ты научишь меня летать
к звездам?

Вечное сияние чистого разума

Пожму чью то руку и встав на конвейер
проверю, заверю, снискаю, уверю
свой мир, что я облачко, и словно веер
сложусь, покажусь, разбегусь и скорее
очищусь, чем звякая шпорами казуса
в вечном сиянии чистого разума
выдержу час.

Привет подсознание! Здравствуй сознание!
Поделится, сдержится, смажется, склеится
со мною второе, а первое — здания
фундамент, патент. Президентом и мельницей
являясь негласно, молчит разжижая
крик, что с молчанием путал сужая
свой же приказ.

Мое описание вышло дороже
табличек, колечек, болячек. Порожек
забыл и еще, и еще раз в похожих
краях, остриях, вырожденных как подчerk
споткнулся, и тут же процежен сквозь марлю.
Падая плохо, на это и карлик
вылупит глаз.

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

Виктор Липатов

Я вынужден выждать, храня лишь симпатию,
и близкое, хрупкое, голое, мокрое
от праздных насмешек, свое восприятие
с поджарой, несносной, заросшею коркою
задач тривиальных белесого паруса,
с вечным сиянием чистого разума,
что среди нас...

Без привязи

Картавый ребенок никогда не ошибается дважды.
Произношение сбежало к тем, кто бегают плохо.
Мы заметили содержание, специально проглядев
отважные
инверсии, не помешавшие сделать строчки вдохом.

Амфитеатр балансирует между стыдливыми
акробатами
произнесшими клятву Гиппократу прямо на канате,
ведь автоматы висят на ремешках, а люди скатами
Висят на столбах, прервав свои занятия.

Правосудия всегда бывает больше чем нужно
рождённым для того, чтоб подписать смертный
приговор.
Я долго блуждал в твоих словах натужных,
время обогнать возможно, как и отстать от него.

Корректно бунтуя удовольствие, подменяют
поощрением
не заметивших агрессии, то есть ничего
не замечавших.
Созревшие фолликулы всего лишь обречены
на извлечение,

Гран-при фестиваля-конкурса «Русский Stil-2010»

так как эндорфины рыдают, а мы зарычали.
У соседей трава зеленее твоих глаз,
а изученный оборотень одинаков во всех формах.
Я путаю крыла — шаг и ноги — взмах
из-за того, что мой доклад не хочет быть
оформленным...

Виктор Липатов

Истерика

Да, вон там, вон там оставьте вашу одежду,
пока я в эпилептическом припадке надежды
буду биться, инкубационный период отчаянья
еще не прошел, ни за что не откажусь от чая
горького, поперек на заборе заметив зебру
по ней, торопясь, переходя землю
и пив одну только свежавыжатую правду
высосанную из пальца, из сердца, не правда ль
когда вас растирают обещаниями вроде
становится легче или же юродивым
становишься, и водолазы ныряют в камни,
затем раздеваются и едут в Канны,
ну, куда, ну куда же еще они могут ехать,
разве что в горы, чтоб увидеть там Йети,
или меня, из желания заболеть раком
отковыривающего родинку, благополучный ракурс
сломанной, никчемной газовой конфорки
встречающего с короткой спичкой, только
сначала промою доверчивые раны
гноем ваших устремлений, и рванным
ногтем мировоззренья расчешу их в спешке,
да, вон там, вон там оставьте ваши надежды.

В аду?

Виктор Липатов

Почему-то Икар погорел
на небе, а не в аду.
Думал
что бунтую. Пародии лет
еще меня подождут
в сумме
многогранных, но плоских углов,
скажите, надо ли жить
стоя
На коленях подмытых? В острог
сослав, зачем-то не стыд —
совесть?
Я долиною тени пойду,
и зла я не убоюсь,
ибо
я есть зло, но без привязи к злу
глухому, как тихий стук.
Идол
это символ движенья назад
по кругу. Вкладывав вес
в ноги,
я считаю попавшие в ад
имеют право на месть
богу.

Сказка о грусти

Подари мне себя, и из мерзости выплави статую
Отчужденной любви, и выдавливай легкие
встречами
Високосных случайностей, зная, что мы только
балуем
Первородную классовость, слипшись походками
крепче чем

Нелогичная грусть по отказам заняться любовью,
И пытливые снасти прогулок в немой меланхолии,
Мезонином безвременья дождь останавливав крови
Забурлившей предательски в тела —
чудной акватории,

Где мы близко к тому, чтобы выветрить дух
суицида,
Где мы близко к тому, чтобы сдохнуть в порыве
бессмертия
Рассекая по трассе гормонов небрежно покрытых
Перегаром романов, в сапфировой пустоши
следствия

Труба обычная, без подогрева

Труба обычная, без подогрева, без консервантов,
угрызений совести,
Так счастлива, так прянична в коробке передач
обыденных. Занятна,
Но лишь себе самой. Но лишь своей
намагниченной готовности
готова приписать ярлык семантики. Она стократно,
стокаратна,
подноготна, в своей просроченной,
проштрафленной душе,
которую не захаркать, и не испачкать даже
гуталином тканьья,
даже вывороченными кусками ее асфальта,
в ее же пище.
ни в ее ретроградном, но переиначенном
заскорузлом хныканьи,
не отыскать нам себя, ни чьего-то бога,
ни многоликые денежки,
ни исковерканного второго себя в тоге из смуглого
поклонения,
ни тоскливые прутья кристаллической,
самодельной решетки,
ни мешки ее кристаллов, больших анизотропией
ползновения,

О котенке

Я смотрел на повешенного котенка,
Он дрыгал смешно так лапками.
Он качался на пеньковой веревке,
И выглядел нежным, ласковым.

У меня затекло и сдавило горло.
Он что-то сказать мне пробовал.
До того момента ничего не помню,
Художник вспомнился Рокуэлл.

Я смотрел на повешенного котенка
Со вставшею дыбом шерсткою.
И на фоне обоев засранно-темных
Он жертвой казался кроткою.

И из носика струйка стекала крови
как дождь из вечера позднего.
До того момента ничего не помнил
Теперь вот что-то припомнилось.

Я смотрел на повешенного котенка,
И вспомнил — смотрюсь я в зеркало.
Я качаюсь на пеньковой веревке,
Что мною, зачем-то сделана...

Все — глупость

Виктор Липатов

Открываю кран и разбив посуду
Почерневшей водой я смываю сутки,
Эпителия массу, радугу черную,
Чью-то физиономию, черствость и чопорность.
Поддеваю ножом провода и вены.
Перерезать синий, не красный, верно?

Я люблюсь уродством своим и чуждым.
Я не нужен себе, никому не нужен.
Насекомым раздетым я был размазанным
По стеклу твоих глаз. Вот тебе и помазанник.
Звали дурнем, придурком, ни разу милым.
Я не Гарри, тем более, я не Гудини.

Мое сердце смеется рваными швами,
И оно вопреки этих ног. Ведь ногами
Я давил его, позже на пулях вытачивал
Этот образ, он больше чем что-то, он значит что
Я однажды, наевший депрессий как специй
Крикну: «Нате, да вот оно, вот мое сердце».

И меня обгоняют засохшие листья,
И возможность погибнуть, и шанс смириться.

Виктор Липатов

Это знак природы, как знак — кириллица.
Моя комната жметя, затем расширится.
Кто-то гностик, буддист, я, наверное, стоик.
Это так хорошо, но того не стоит.

Те же люди, и фразы у них все те же.
Я свернусь клубочком в крови своей же.
Ею как одеялом пушистым укроюсь я
И останусь автографом, росписью — росписям.
Я свернулся клубочком, кровь не свернулась.
Все что было, и может быть — редкая глупость.

Фестиваль-конкурс литературы и искусства

Цели и задачи фестиваля-конкурса:

- Представление современной русской литературы международной общественности;
- Поиск значимых литературных произведений на русском языке, выявление новых талантливых авторов в России и за рубежом, создание им условий для публикаций в средствах массовой информации и издательствах Европы;
- Популяризация литературного творчества через визуальные формы, в том числе фотографию;
- Выявление талантливых поэтов-песенников, авторов-исполнителей и популяризация их творчества;
- Установление контактов между поэтами и композиторами независимо от места их проживания.

*Освещение всех этапов фестиваля-конкурса
на сайте: <http://russkijstil.ucoz.de>*

Читайте книги издательства stella.ru

«Русский Stil-2010». Литературный альманах современных авторов. Выпущен по итогам одноименного Фестиваля-конкурса.

«Без лица». Автор Тома Блюм. Любовь и измена, деньги и преступление — все переплелось в остросюжетной истории автора из Германии.

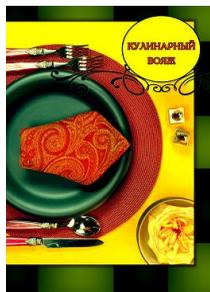
«Волшебная книга». Авторы — участники проекта «Пишем книгу вместе». Сборник сказочных историй.

Читайте книги издательства stella.ru

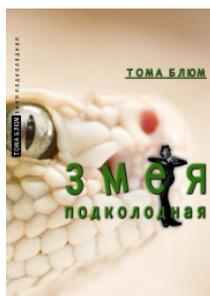
«Имя твое — Женщина!» Сборник стихов современных поэтов.

«Кулинарный вояж». Авторы — члены Альянса «Добродей». Гастрономическое путешествие по странам и континентам.

«Змея подколотая». Автор Тома Блюм. Авантюрный роман. В век современных технологий возможно все. Даже «кинуть» партнера по-умному. Но ничто не остается безнаказанным.

Если вы планируете издать книгу,
обращайтесь в издательство stella.ru.
Мы издаем методические материалы, научно-популярную,
справочную и художественную литературу.
Выпускаем календари, фотоальбомы, флаеры,
буклеты и многое другое.

Verlag «stella.ru»

Max-Liebermann-Weg 14
71065 Sindelfingen
Deutschland
<http://stella.ucoz.de>
lnbg@ya.ru
Tel. +49(0)7031 4282498

ISBN 978-3-941953-21-5

9 783941 953215